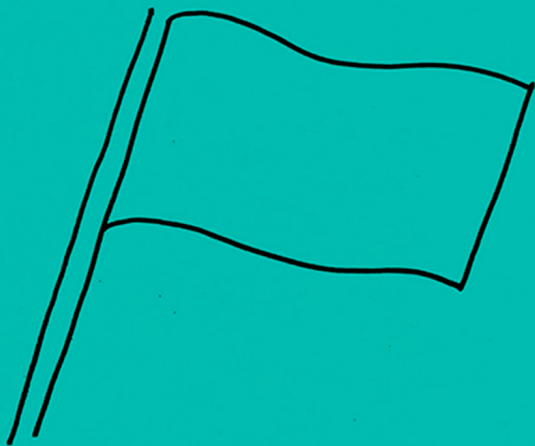

Лесли Керн

Феминистский город

Полевое руководство
для горожанок

Лесли Керн

Феминистский город. Полевое руководство для горожанок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792655

*Феминистский город:
ISBN 978-5-91103-636-2*

Аннотация

Книга суммирует результаты полевых исследований канадской географини и урбанистки Лесли Керн, занимающейся актуальными вопросами жизни женщин в современном городе. Авторка показывает, насколько структура города – от его планировки до норм и обычаев, регулирующих общение его жителей и жительниц, – превратилась в пространство гендерной борьбы. Описывая собственный опыт материнства, дружбы, работы и активизма, Лесли Керн предлагает применить к городскому планированию интерсекциональный феминистский подход и полагает, что это будет способствовать формированию урбанистики нового поколения.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	5
Нарушительницы порядка	7
Кто пишет город?	14
Свобода и страх	21
Феминистская география	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лесли Керн

Феминистский город

© Between the Lines, Toronto, 2019

www.btlbooks.com

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Для Мэдди

Вступление

Город мужчин

У меня есть старая фотография, на которой мы с младшим братом запечатлены в окружении дюжин голубей на Трафальгарской площади в Лондоне. Судя по нашим похожим стришкам «под горшок» и вельветовым клёшам, я предполагаю, что шел 1980 или 1981 год. На фотографии мы счастливо разбрасываем семечки, которые родители купили в маленьком автомате на площади. Сейчас этих автоматов уже не найти, потому что подкармливание голубей категорически не одобряется, но в то время это было лучшей частью нашей поездки к родственникам отца. Мы находились в центре всего происходящего и испытывали такое сильное радостное возбуждение, что оно было почти физически ощутимо. На наших сияющих лицах я вижу начало своей и брата общей любви к Лондону и городской жизни, которая перейдет с нами во взрослую жизнь.

Мы с Джошем пришли в этот мир с пересадкой в центре Торонто, но родители вырастили нас в пригороде. Несмотря на то что сегодня население Миссиссоги делает город одним из самых крупных и этнически многообразных в Канаде, в 1980-х он был, в сущности, ориентированным на автомобили пригородом, чей пейзаж состоял по большей части из тор-

говых центров. И я, и Джош переехали в Торонто при первой возможности, отвергнув жизнь в пригороде быстрее, чем можно произнести «Экспресс Йонг – Университет – Спадайна-авеню». Однако мой опыт городской жизни разительно отличался от опыта моего брата. Сомневаюсь, что Джошу когда-либо приходилось возвращаться домой, зажимая ключи в кулаке наподобие кастета, или терпеть толчки от тех, кто считал, что он занял слишком много места своей детской коляской. Поскольку у нас совпадают цвет кожи, религия, степень мобильности, социальный статус и значительная часть ДНК, я вынуждена сделать вывод, что наш гендер – это то отличие, которое по-настоящему имеет значение.

Нарушительницы порядка

В современном мире женщины всегда воспринимались как проблема. С началом промышленной революции европейские города начали стремительно расти, а их улицы наводнила хаотичная смесь иммигрантов и представителей различных социальных классов. Викторианские общественные нормы того времени подразумевали наличие жестких границ между классами и строгий этикет, созданный для защиты белых женщин из высшего класса. Нормы этого этикета были разрушены возрастающим количеством контактов, происходящих в городской среде между женщинами и мужчинами, а также между женщинами и бурлящими потоками городского населения. «Джентльмены и, что еще хуже, дамы были вынуждены постоянно сталкиваться с низшими сословиями и терпеть бесцеремонные толчки без какой-либо возможности защитить себя», – пишет историк культуры Элизабет Уилсон¹. «Статус „оспариваемой территории“, который приобрел викторианский Лондон, обозначил пространство, где женщины могли „заявить о себе как о части общества“, особенно в контексте споров о безопасности и

¹ *Wilson E. The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 29. – Здесь и далее цифрами обозначены примечания авторки, а астерисками – примечания переводчицы (если не указано иное).*

сексуализированном насилии», – объясняет историк Джудит Валковитц². Однако во время этого хаотичного переходного периода всё сложнее становилось распознать социальный статус прохожих, и дама на улице рисковала подвергнуться самому страшному оскорблению – быть принятой за «уличную девку».

Эта угроза якобы естественному разделению на классы и расшатывание барьеров респектабельности (представлений о том, в какой мере тот или иной член общества достоин уважения) означали, что многим современникам и современницам сама городская жизнь казалась угрозой цивилизации. «Положение женщин, – объясняет Уилсон, – стало отправной точкой рассуждений о городской жизни»³. Поэтому постепенное расширение свободы женщин вызывало моральную панику по любому поводу, начиная с секс-работы и заканчивая ездой на велосипедах. Сельская местность вместе со свежеразросшимся пригородом стала олицетворением пристойного места отдыха для среднего и высшего класса и, что наиболее важно, местом, где респектабельность женщин была в безопасности.

В то время как одни женщины нуждались в защите от хаоса большого города, других было необходимо контролировать, перевоспитывать и, возможно, даже исключать из

² *Walkowitz J. R. City of Dreadful Delight: Narratives of Sexual Danger in Late-Victorian London. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 11.*

³ *Wilson E. The Sphinx in the City. P. 27.*

общества. Растущее внимание к городской жизни сделало условия, в которых жил рабочий класс, более видимыми и всё более неприемлемыми с точки зрения среднего класса. Кого в этом винить, как не женщин, которые перебрались в город, чтобы найти работу на фабриках и в качестве домашней прислуги, тем самым переворачивая семью «с ног на голову», согласно Энгельсу? Участие женщин в рынке оплачиваемого труда давало им пусть крохотную, но независимость, а также оставляло меньше времени для выполнения домашних обязанностей в своих собственных домах. Бедных женщин выставляли никудышными хозяйками, чья неспособность содержать дом в чистоте была непосредственной причиной «деморализации» рабочего класса. Деморализация выражалась в пороках и проблемном поведении в частной и общественной жизни. Всё это казалось глубоко неестественным порядком вещей.

Разумеется, самым страшным социальным злом являлась проституция, обладавшая потенциалом разрушать семьи, потрясать основы общества и распространять болезни. До открытия существования микроорганизмов и их роли в распространении заболеваний считалось, что болезни распространяются по воздуху посредством миазмов, разносимых вредоносными парами из канализации. Также появилась концепция моральных миазмов: идея, что можно заразиться порочностью из-за одной только близости с ее носителем. Писатели того времени возмущались повсеместному

присутствию «уличных девок», которые открыто предлагали свои услуги, соблазняя порядочных мужчин опуститься в мир порока. Женщины также «постоянно сталкивались с искушениями и, однажды „пав“, по мнению многих перевоспитателей, были обречены на постоянно ускоряющуюся деградацию и раннюю, трагичную смерть»⁴.

Многие современники, включая Чарльза Диккенса, предлагали такое решение: «падшие» женщины могли эмигрировать в колонии, где у них был шанс выйти замуж за одного из многих поселенцев, оставшихся без пары, и таким образом восстановить свое доброе имя. В самих колониях необходимость обеспечивать безопасность белых колонизаторок от угрозы, исходящей от «местных», предоставляла рациональное объяснение ограничения свободы и даже уничтожения живших в урбанизированных зонах представителей коренных народов. Популярны романы того времени изображали поражающие воображение истории похищений, пыток, изнасилований и принуждения к браку между белыми женщинами и мстительными «дикарями-мародерами». Новые укрепленные города обусловили переход от жизни на приграничной территории к цивилизации, а чистота и безопасность белых женщин завершили эту метаморфозу.

С другой стороны, женщины коренных народов воспринимались как угроза этой урбанистической трансформации. Их тела обладали способностью воспроизводить «дикость»,

⁴ Ibid. P. 39.

которую колонизаторы стремились сдержать. Они также занимали важные позиции, дававшие им культурную, политическую и экономическую власть в своих сообществах. Лишение женщин коренных народов этой власти путем насаждения европейской патриархальной семейной модели и систем управления, одновременное отрицание их человеческих качеств, обвинение их в примитивности и распутстве заложили основу для процессов правового и географического выселения и вытеснения⁵. Таким образом, деградация и стигматизация женщин коренных народов были частью процесса урбанизации. С учетом исключительного уровня жестокости по отношению к женщинам и девочкам коренных народов, существующего сегодня в городах поселенцев-колонизаторов, становится ясно, что у такого отношения и практик есть долгосрочные разрушительные последствия.

Вернемся в сегодняшний день: попытки контролировать тела женщин ради продвижения определенных видов городского развития всё еще с нами. В совсем недавнем прошлом мы стали свидетелями принуждения к стерилизации небелых женщин и женщин коренных народов, которые получали социальную поддержку или казались в том или ином плане зависимыми от государства. Расистский стереотип о темнокожей «королеве пособий» распространялся как часть нар-

⁵ *Maracle L.* I Am Woman: A Native Perspective on Sociology and Feminism. Vancouver: Press Gang, 1996. *Andrea Smith.* Conquest: Sexual Violence and American Indian Genocide. Cambridge: South End Press, 2005.

ратива проблемных городов в 1970-х и 1980-х. Это явление было связано с паникой из-за числа подростковых беременностей и сопутствующим им убеждением, что несовершеннолетние матери пополнят ряды вышеупомянутых королев пособий и произведут на свет детей, склонных к нарушению закона. Современные движения за искоренение секс-работы получили новое гордое звание кампаний по борьбе с торговлей людьми, а сама торговля людьми представляется как новая форма сексуализированной урбанистической угрозы. К сожалению, тем секс-работницам и работникам, которые не являются жертвами торговли людьми, зачастую отказывают в уважении или субъектности в рамках этой новой повестки⁶. Кампании против ожирения ориентированы на женщин как на индивидуумов, а также как на матерей, их собственные тела и тела их детей рассматриваются как симптомы современных городских проблем наряду с зависимостью от автомобилей и фастфудом.

Иными словами, тела женщин всё еще воспринимаются как источники или симптомы городских проблем. С одной стороны, желание молодых белых женщин завести детей порой преподносится как повод к джентрификации, а с другой, сторонники джентрификации винят небелых матерей-одиночек и мигранток в распространении городского криминала и торможении ревитализации городской среды. Похоже,

⁶ *Hunt S. Representing Colonial Violence: Trafficking, Sex Work, and the Violence of Law // A Atlantis, 37.2, 1, 2015/2016. P. 25–39.*

всегда найдется способ связать женщин с городской социальной проблематикой.

Я готова признать, что некоторые из самых раздутых викторианских страхов об угрозах чистоте и непорочности потухли, однако женщины всё еще взаимодействуют с городом через серию барьеров – физических, социальных, экономических и символических, – которые формируют их повседневную жизнь глубоко гендерно-специфичным (и не только) образом. Многие из этих барьеров остаются невидимыми для мужчин, потому что в силу собственного опыта они редко с ними сталкиваются. Это означает, что основные решения принимаются по большей части мужчинами, которые распоряжаются всем: от городской экономической политики до проектирования жилищного строительства, от распределения детей по школам до схемы расположения сидений в общественном транспорте, от поддержания правопорядка до уборки снега, не имея ни малейшего понятия, а также желая понимать, как эти решения влияют на жизнь женщин. Город был создан, чтобы поддержать и упростить традиционные гендерные роли мужчин, где их опыт принимается за «норму» и где мало внимания уделяется тому, как город возводит баррикады для женщин и игнорирует их повседневный опыт городской жизни. Вот, что я имею в виду под «городом мужчин».

Кто пишет город?

В разгар работы над этой книгой я с нехарактерным для себя предвкушением ждала новенький блестящий номер журнала для выпускников Университета Торонто, потому что в этот раз на обложке была заявлена статья «Города, которые нам нужны»⁷. Нынешний президент Университета – урбанист, поэтому мои ожидания были высоки. Внутри оказались четыре истории о городских «потребностях»: ценовая приемлемость, доступная среда, устойчивое развитие и развлечения. Отличные темы. Однако каждая статья была написана белым мужчиной среднего возраста. Большинство экспертов, на которых ссылались авторы, были мужчинами, включая вездесущего Ричарда Флориду, чье чрезмерное влияние на политику городского развития по всему миру посредством его парадигмы креативного класса (по признанию самого автора, обладающей серьезными недостатками) могло стать причиной многих текущих проблем с ценовой доступностью, терзающих такие города, как Ванкувер, Торонто и Сан-Франциско. Я хотела бы сказать, что испытала удивление или разочарование, но самым подходящим словом, пожалуй, будет смирение. Как остроумно указывает феминистская исследовательница Сара Ахмед: «Цитатность – это еще одна форма академической реляционности.

⁷ The Cities We Need // University of Toronto Magazine. Autumn 2018.

Белый мужчина воспроизводится как *citational relational* (цитатно реляционный). Белые мужчины цитируют других белых мужчин: они всегда так поступали... Белые мужчины как проторенная дорожка; чем больше мы *так* делаем, тем дальше уходим *в ту сторону*»⁸. Урбанистика как предмет изучения и городское планирование уже очень давно «идет в ту сторону».

Я – далеко не первая писательница-феминистка, которая на это указывает. На данный момент женщины уже давно пишут о городской жизни (например, Шарлотта Бронте в «Вилетт»), выступают в поддержку потребностей горожанок (таких, как социальные реформаторки Джейн Аддамс и Ида Б. Уэллс), а также создают свои собственные проекты домов, городов и районов (как Кэтрин Бичер и Мелюзина Фэй Пирс). Феминистки-архитекторки, градостроительницы и географини добились существенных изменений в своих областях благодаря тщательным эмпирическим исследованиям гендерно-специфичных опытов. Активистки усиленно добивались важных перемен в городском планировании, практиках поддержания правопорядка и оказании услуг, чтобы те лучше удовлетворяли потребности женщин. И всё же женщина всё еще старается перейти на другую сторону улицы, если за ней ночью идет незнакомец.

Основополагающие работы феминистских исследователь-

⁸ Ahmed S. White Men. Feministkilljoys. <https://feministkilljoys.com/2014/11/04/white-men/>, ссылка актуальна на January 28, 2019.

ниц городской среды и писательниц, чьи работы вышли раньше моих, – костяк этой книги. Когда я впервые открыла для себя феминистскую географию в аспирантуре, что-то у меня в голове сложилось. Внезапно теоретическое понимание феминистской теории приобрело глубину. Я по-новому увидела, как работает власть, и начала накапливать свежее осознание собственного опыта как женщины, жившей в пригороде, а затем в большом городе. Я ни разу не пожалела о своем выборе и очень горда сегодня называть себя феминистской географиней. В этой книге мы познакомимся с городскими мыслительницами, которые изучили всё, от того, как женщины перемещаются по городу, до гендерно-специфичного символизма городской архитектуры и роли женщин в джентрификации. Но вместо теории или политики городского планирования я хочу начать с того, что поэтесса Адриенна Рич называет «самой близкой географией»: с тела в повседневной жизни⁹.

«Начните с материала, – пишет Рич. – Начните с женского тела <...> Не для того, чтобы преодолеть его рамки, но чтобы вернуть его себе»¹⁰. Что мы пытаемся вернуть в этом случае? Мы возвращаем себе личные пережитые опыты, интуицию и с трудом давшиеся нам истины. Рич называет это «попытками женщин смотреть из центра» или политикой

⁹ Rich A. Blood, Bread, and Poetry: Selected Prose 1979–1985. New York: W. W. Norton, 1994.

¹⁰ Ibid. P. 213.

задавания женских вопросов¹¹. Не эссенциалистских вопросов, основанных на некой ложной отсылке к биологическому определению того, что значит быть женщиной. Необходимо задавать вопросы, которые исходят из повседневных телесных опытов тех, кто включает себя в динамичную и постоянно меняющуюся категорию «женщин». Для нас городская жизнь создает вопросы, которые слишком долго оставались без ответа.

Будучи женщиной, я имею глубоко гендерно-специфичный опыт повседневного взаимодействия с городом. Моя гендерная идентичность определяет, как я перемещаюсь по городу, как проходит моя повседневная жизнь и какие опции мне доступны. Мой гендер – больше, чем мое тело, но мое тело – это то, посредством чего я переживаю опыт, где моя идентичность, история и места, где я жила, встречаются, взаимодействуют и оставляют свой отпечаток на моей плоти. Это пространство, из которого я пишу. Это пространство, где мой опыт заставляет меня задавать вопросы: «Почему моя коляска не влезает в трамвай?», «Почему я вынуждена выбирать безопасный путь домой, который на полмили длиннее опасного?», «Кто заберет моего ребенка из лагеря, если меня арестуют на протесте против „Большой двадцатки“?». Это не просто личные вопросы. Они приближаются вплотную к самой сути того, почему и каким образом большие города держат женщин «на своем месте».

¹¹ Rich A. Blood, Bread, and Poetry. P. 216.

Я начала писать эту книгу во время взрыва движения Me Too¹². В свете журналистского расследования, разоблачившего ряд людей, в течение долгих лет совершавших насилие и домогательства в Голливуде, целая волна женщин и некоторые мужчины вышли вперед, чтобы рассказать свои истории о проблеме сексуализированных домогательств и насилия на работе, в спорте, политике и образовании. Со времен истории Аниты Хилл вред, причиненный тем, кто пережил сексуализированные домогательства, не получал такого внимания со стороны медиа, государства и законодателей. Несмотря на то что риторика, использовавшаяся для дискредитации тех, кто пережил насилие, и разоблачителей, не слишком изменилась со слушания по делу Кларенса Томаса (практически буквально!), горы доказательств против самых страшных преступников и самых мизогинных организаций убеждают многих, что что-то должно измениться¹³.

Те, кто пережил подобное, засвидетельствовали долговременные эффекты продолжительного физического и психологического насилия, которые изменили их жизни. Их истории резонируют с огромным количеством литературы о страхе, который женщины испытывают в больших городах. Неболь-

¹² Группа, изначально созданная активисткой Тараной Берк в 2015 году; хештег #MeToo (*англ.* я тоже. – *Пер.*) получил крайне широкое распространение в Twitter в 2017-м.

¹³ Например, более ста пятидесяти женщин дали обвинительные показания против Ларри Нассера, доктора для элитных американских гимнасток и участниц студенческих спортивных команд.

шой, но постоянный риск подвергнуться насилию, смешанный с ежедневным харассментом, формирует как осознанный, так и подсознательный опыт городской жизни женщин. Точно так же, как харассмент на рабочем месте заставляет женщин уходить с позиций власти и стирает их вклад в науку, политику, искусство и культуру, спектр городского насилия ограничивает возможности выбора, доступные женщинам, их власть и экономические возможности. Точно так же, как нормы индустрии развлечений устроены таким образом, чтобы допускать домогательства, защищать абьюзеров и наказывать переживших эти опыты, городская среда устроена таким образом, чтобы поддерживать формат патриархальной семьи, гендерно-специфичные рынки труда и традиционные гендерные роли. И даже несмотря на то, что нам нравится думать, что человечество эволюционировало и вышло за жесткие рамки таких концепций, как гендерные роли, женщины и другие маргинализированные группы по-прежнему обнаруживают, что их жизни ограничиваются социальными нормами, которые оказались встроены в наши города.

Истории людей, рассказавших о пережитом насилии во время движения Me Too, наглядно демонстрируют преобладание того, что феминистские активистки называют мифами об изнасиловании: набор ложных идей и заблуждений, которые частично покрывают сексуализированные домогательства и жестокость, перекладывая вину на жертв. Мифы об изнасиловании – ключевой компонент того, что мы сего-

дня называем «культурой изнасилования». «Во что ты была одета?» и «Почему ты не заявила в полицию?» – два классических мифа об изнасиловании, с которыми сталкиваются участницы Me Too. У мифов об изнасиловании также есть своя *география*. Она прочно укореняется в ментальной карте безопасности и опасности, которую каждая женщина носит в своей голове. «Что ты делала в том районе? В баре? Одна ждала автобус?», «Почему ты шла одна поздно ночью?», «Почему ты решила срезать?» – мы ожидаем такие вопросы, и они формируют наши ментальные карты в той же степени, что и любая реальная угроза. Эти сексистские мифы служат цели напомнить, что нам полагается ограничивать свою свободу гулять, работать, развлекаться и занимать пространство в городе. Они говорят: Город на самом деле не для тебя.

Свобода и страх

Приблизительно через десять лет после той феерии с кормлением голубей мы с Джошем вернулись в Лондон, и на этот раз были достаточно взрослыми, чтобы самим доехать на метро до Тоттенхэм-Корт-роуд и Оксфорд-стрит. Наверное, нашим родителям хотелось какого-то культурно-воодушевляющего досуга без необходимости каждые пять минут отвечать на вопрос, когда же мы пойдем по магазинам. Подобно голубям, которых сегодня можно застать в лондонской подземке, в которую они, вероятно, спускаются, чтобы добраться до своей любимой кормушки, мы самостоятельно научились перемещаться по городу, руководствуясь своими мыслями и эмоциями. Задолго до появления смартфонов мы всецело полагались на карту метро и собственные инстинкты. Нам ни разу не было страшно. Таблички и объявления о безопасности и бдительности вызывали в памяти когда-то услышанные репортажи о бомбах Ирландской республиканской армии, но они не могли потревожить пару канадских детей на каникулах. К концу поездки мы казались себе подкованными маленькими исследователями большого города, без пяти минут истинными лондонцами.

Приблизительно за год до этого мы в первый раз поехали в Нью-Йорк. Это было в 1990-е, за несколько лет до того, как политика нулевой толерантности мэра Руди Джулиани

ускорила диснеевское преобразование Таймс-сквер и других культовых мест. Нам разрешили самостоятельно побродить по большим магазинам на Пятой авеню, но ездить одним на метро было нельзя. На самом деле я не думаю, что мы хоть раз проехали на метро за всю поездку, даже с родителями. Нью-Йорк был особым зверем и разительно отличался от Торонто или Лондона. Для наших родителей этот город был источником азарта, смешанного с физически ощутимым чувством опасности, которая казалась гораздо более реальной, чем ирландская бомба.

Я думаю, тогда я поняла, что город – его опасность, острые ощущения, культура, привлекательность и прочее – живет в нашем воображении в той же мере, что и в своей материальной форме. Воображаемый город формируется опытом человека, СМИ, произведениями искусства, слухами, нашими собственными желаниями и страхами. Суровый опасный Нью-Йорк 1970-х и 1980-х господствовал в головах наших родителей. Это представление не совпадало с нашим опытом из 1990 года, но оно определило, что мы знали о городе или думали, что знали. И если честно, эта нотка опасности имела свое очарование. Она делала Нью-Йорк Нью-Йорком: не Торонто, не Лондоном и определенно не Миссиссогой. Энергетика и притяжение города были крепко завязаны с ощущением, что произойти в нем может всё что угодно.

Это сложное переплетение азарта и риска, свободы и страха, возможностей и опасностей в значительной степени опре-

деляет феминистическую мысль и литературу о больших городах. Уже в 1980-х моя будущая научная руководительница смело заявляла, что «место женщины – в городе»¹⁴. Герда Векерле утверждала, что только плотная, насыщенная услугами городская среда позволит женщинам выдерживать «двойные дни», наполненные оплачиваемой и неоплачиваемой работой. В то же время социологи и криминологи били тревогу по поводу крайне высокого уровня страха перед городской преступностью среди женщин – страха, который невозможно было объяснить реальными цифрами статистики насилия в отношении женщин, совершенного незнакомыми им людьми¹⁵. Что касается феминистских активисток, акты насилия над женщинами в общественных пространствах привели к первым демонстрациям *Take Back the Night*¹⁶ в крупных городах Европы и Северной Америки уже в середине 1970-х.

В повседневной жизни оба утверждения, «город не предназначен для женщин» и «место женщины – в городе», являются правдивыми. Как уверяет Элизабет Уилсон, женщины уже давно стремятся в большие города, несмотря на их враждебность. Она предполагает, что «возможно, существовал избыточный акцент на заточении викторианских жен-

¹⁴ *Wekerle G. A Woman's Place is in the City // Antipode, 16, 3, 1984. P. 11–19.*

¹⁵ *Stanko E. Woman, Crime, and Fear // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 539, 1, 1995. P. 46–58.*

¹⁶ «Вернем себе ночь» (*англ.*).

щин в сфере частной жизни», отмечая, что даже в эту эру строгих гендерных норм некоторые женщины имели возможность исследовать город и занимать непривычные для себя роли общественных деятелей¹⁷. К черту опасности. Город – это место, где женщинам открывались возможности, невиданные в маленьких городах и сельских общинах. Возможность работать. Сбросить оковы церковно-приходских гендерных норм. Избежать гетеросексуального брака и материнства. Строить карьеру за пределами традиционных женских занятий и работать на государственной службе. Выражать свою уникальную личность. Заниматься социальными и политическими вопросами. Развивать новые сети родственных связей и позволять дружбе выходить на передний план. Работать в СМИ, принимать участие в творческой и культурной жизни города. Все эти возможности в гораздо большей степени доступны женщинам в больших городах.

Менее осязаемы, но не менее важны психологические аспекты города: анонимность, энергичность, спонтанность, непредсказуемость и – да, даже опасность. В романе «Виллет» Шарлотты Бронте главная героиня Люси Сноу одна путешествует в Лондон, и, по мере того как девушка отважно бросает вызов «опасностям путешествия», она переживает «возможно, иррациональное, но настоящее удовольствие»¹⁸. Я не говорю, что женщинам нравится бояться, но что часть

¹⁷ Wilson E. The Sphinx in the City. P. 31.

¹⁸ Цит. по: Ibid. P. 30.

удовольствия от городской жизни происходит из ее неотъемлемой *непознаваемости* и возможности человека смело встречать эту непознаваемость. На самом деле непредсказуемость и хаотичность могут представлять «аутентичную городскую среду» для женщин, отвергающих традиционность и повторяющиеся ритмы жизни в пригороде¹⁹. Естественно, находить хаотичность города захватывающей немного проще, если у вас есть возможность в любой момент удалиться в безопасное место. В любом случае страх преступности не смог удержать женщин от больших городов. Однако это лишь один из многих факторов, формирующих городскую жизнь женщин.

Эта книга берется за вопросы женщин о городе, рассматривает хорошее и плохое, интересное и пугающее и стремится встряхнуть наше представление о городах вокруг нас. Чтобы увидеть социальные взаимоотношения в городе – с точки зрения гендера, расы, сексуальности, физических возможностей здоровья и других аспектов – свежим взглядом. Чтобы начинать дискуссии о других, менее видимых видах городского опыта. Чтобы создать пространство для креативного размышления о том, что может создать феминистский город. Чтобы создать диалог между феминистской географией и повседневностью, попытками выжить и преуспеть, бо-

¹⁹ Kern L. Selling the 'Scary City': Gendering Freedom, Fear and Condominium Development in the Neoliberal City // Social & Cultural Geography, 11,3, 2010. P. 209–230.

роться и победить в городе.

Феминистская география

По дороге на одну из крупных ежегодных конференций по географии в Чикаго в 2004 году я прочитала, что давнишняя противница феминизма, колумнистка канадской газеты *Globe & Mail* Маргарет Венте, также «открыла для себя» феминистскую географию²⁰. Поскольку ненависть к мужчинам и знание столиц стран мира – очевидно две абсолютно разных области, кто бы мог подумать, что феминистская география – это настоящая наука? С присущим ей скептицизмом Венте в очередной раз повторила свое регулярно звучащее мнение о том, что гуманитарные и социальные науки – это бесполезные занятия, полные выдуманных дисциплин и фальшивых экспертов.

Чего сознательно невежественная Венте не желала понимать – это того, что география привносит динамичное новое измерение в феминистский анализ. Разумеется, для его понимания необходимо желание продвинуться дальше школьного понимания географии: она заключается не только в раскрашивании контурных карт и запоминании названий материков. География – это наука о взаимоотношении человека и его среды, как естественной, так и собственноручно созданной. Географический взгляд на гендер предлагает один

²⁰ Маргарет Венте также вела еженедельную колонку в канадской газете *Globe & Mail* с 1986 по 2019 год.

из способов понимания того, как сексизм работает на местах. Статус «гражданина второго сорта» женщинам обеспечивает не только метафорический принцип «раздельных сфер», но также настоящие осязаемые географические границы. Власть и привилегии мужчин поддерживаются за счет ограничения движений женщин и их возможности посещать определенные места. Как говорится в одной из моих любимых цитат феминистской географини Джейн Дарк: «Любое поселение – это пространственное выражение социальных отношений, принятых в обществе, которое его построило... *Наши города – это патриархат, воплощенный в камне, кирпиче, стекле и бетоне*»²¹.

Патриархат, высеченный в камне. Тот факт, что антропогенная среда отражает создавшее ее общество, может казаться очевидным. В мире, где всё, от лекарств до манекенов для краш-тестов, от пуленепробиваемых жилетов до кухонных конторок, от смартфонов до настроек кондиционеров в офисах, проектируется, тестируется и приводится в соответствие со стандартами, определенными мужскими телами и их потребностями, это не должно ни для кого быть неожиданностью²². Директорка отдела городского проектирования Торонто, Лорна Дэй, недавно обнаружила, что руководящие

²¹ Darke J. The Man-Shaped City в *Changing Places: Women's Lives in the City* / eds. Chris Booth, Jane Darke, Sue Yeandle. London: Sage, 1996. P. 88.

²² Криадо Перес К. Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных. М.: Альпина Паблшер, 2020.

принципы проектировки ветровых эффектов брали за параметры «стандартного человека» рост, вес и площадь поверхности тела, которые соответствовали габаритам взрослого мужчины²³. Не ожидаешь, что гендерные стереотипы повлияют на расположение небоскребов или проектировку аэродинамических труб, но вот пожалуйста.

Однако иногда особенно неочевидно обратное: однажды построенные, наши города продолжают формировать и оказывать свое влияние на общественные отношения, динамику власти, неравенство и многое другое. Камень, кирпич, стекло и бетон лишены свободы воли, не правда ли? Они не пытаются поддерживать патриархальный порядок в обществе, верно? Нет, но их форма помогает определять возможности отдельных личностей и групп людей. Их форма помогает считать одни вещи нормальными и правильными, а другие – неуместными и неприемлемыми. Проще говоря, физические места, такие как города, *важны* для изменений в обществе.

Гендерно-специфичный символизм антропогенной городской среды – один из способов не забывать, кем были создатели города. Статья 1977 года феминистской архитекторки Долорес Хейден со скандальным заголовком «Соблазнение небоскребами, изнасилование небоскребами» резко критикует мужские властолюбивые и репродуктивные фан-

²³ Moore O. The 'Baked-in Biases' of the Public Square: Calls Grow to Redesign Cities with Women in Mind // The Globe and Mail. April 1, 2019: <https://www.theglobeandmail.com/canada/toronto/article-designing-safer-cities-for-women/>

тазии, воплощенные в развитии всё более и более высоких городских структур. Подобно типичным мужским памятникам военной мощи, небоскреб – это памятник мужской корпоративной экономической власти. Хейден утверждает, что офисная башня – это очередное пополнение «череды фаллических памятников истории – включая шесты, обелиски, шпили, колонны и сторожевые башни», поскольку архитекторы использовали такие термины, как «основание», «ствол» и «оголовок», и создавали устремленные ввысь здания, извергающие свет прожекторов в ночное небо²⁴. Фаллическая фантазия небоскребов, полагает Хейден, скрывает реальность жестокости капитализма, выраженной в смертях рабочих на стройке, банкротстве и угрозе пожара, террористических атаках и разрушениях конструкции. Согласно феминистской географине Лиз Бонди, дело не столько в фаллическом символизме, сколько в том, что сама их вертикаль является олицетворением власти через «маскулинный характер капитала»²⁵.

Язык архитектуры опирается на идею, что гендер – это бинарная система противоположностей, где разные формы и детали считаются маскулинными или феминными. Бонди предполагает, что этот код антропогенной среды «интер-

²⁴ *Hayden D. Skyscraper Seduction, Skyscraper Rape // Heresies. 2, May 1997. P. 108–115.*

²⁵ *Bondi L. Gender Symbols and Urban Landscapes // Progress in Human Geography. Vol. 16. No. 2. 1992. P. 160.*

претирует гендерные различия как „естественные“ и потому придает им универсальный характер и оправдывает конкретную модель разделения на гендеры»²⁶. Помимо определенных архитектурных деталей, разделения домашнего и рабочего, общественного и частного пространства утверждают гендерные нормы еще глубже в сознание людей. Продолжающаяся по сей день недостаточная представленность женщин в профессиях, работающих с архитектурой и городским планированием, означает, что с большой долей вероятности опыт женщин нахождения в таких местах и взаимодействия с ними будет проигнорирован или основан на устаревших стереотипах. Однако, как отмечает Бонди, просто «добавить» женщин в профессию или учесть их опыт будет недостаточно по двум причинам. Поскольку опыт женщин формируется патриархальным обществом, сглаживание острых углов посредством городского проектирования не меняет в корне сам патриархат. И во-вторых, восприятие всех женщин как единой социальной группы не принимает во внимание другие важные маркеры социального неравенства.

Традиционно феминистская география – как и в целом академический феминизм – стремится «добавить женщин» в преимущественно мужские области. Заголовок классической работы Дженис Монк и Сьюзен Хэнсон 1982 года громко заявляет о неравенстве в этой области: «О том, чтобы не исключать половину общества из общественной геогра-

²⁶ Ibid. P. 160.

фии»²⁷. Однако добавлению как методу борьбы с эксклюзивностью всегда недоставало преобразующей силы.

В 1970-х и 1980-х темнокожие феминистки и феминистки цвета, такие как Анжела Дэвис, Одри Лорд, и Коллектив Кэмби-ривер пытались заставить мейнстримное женское движение принять тот факт, что небелые женщины за пределами страты гетеросексуального среднего класса сталкиваются с иными формами угнетения. Их труд привел к созданию того, что мы сейчас называем теорией интерсекционального феминизма, основываясь на термине, сформулированном темнокожей исследовательницей феминизма Кимберли Креншоу в 1989 году и позднее развитом в 1990-х темнокожими феминистками, такими как Патриция Хилл Коллинз и Белл Хукс²⁸. Интерсекциональность привела к радикальному изменению того, как феминизм понимал отношения между различными системами привилегий и угнетения, включая сексизм, расизм, классовую дискриминацию, гомофобию и эйблизм.

Феминистские географини оказались на особенно небла-

²⁷ *Monk J., Hanson S. On not Excluding Half of the Human in Human Geography // The Professional Geographer. 34. 1982. P. 11–23.*

²⁸ *Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory, and Antiracist Politics in Feminist Legal Theory: Reading In Law And Gender / eds. Katherine Bartlett, Roseanne Kennedy. New York: Routledge. 1991; Hill Collins P. Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment / 2nd Edition. New York: Routledge, 2000; hooks b. Feminist Theory: From Margin to Center / 2nd Edition. Cambridge: South End Press, 2000.*

годатной почве, поскольку работали с дисциплиной, корнями уходящей в историю империализма, научных и географических открытий. Маскулинное колониальное представление о бесстрашных исследователях, наносящих на карты «новый мир», нет-нет да и замаячит в области географии. Урбанисты находятся в поисках, какой бы интересный район им исследовать и какую социальную группу классифицировать, в то время как градостроители стремятся к принятию максимально удачных технических, рациональных и объективных решений о том, как люди должны жить в городах. Феминистские урбанистки требовали, чтобы женщин начали воспринимать как значимых и в некотором роде уникальных обитателей городов. Однако их ранней работе недоставало интерсекционального анализа переплетений власти, существующих между гендерными отношениями и расой, классом, сексуальностью и физическими возможностями здоровья.

Повторяя траекторию академического феминизма на пересечении нескольких дисциплин, феминистские урбанистки часто опираются на собственный опыт, исследуя, каким образом гендер сцепляется с другими видами социального неравенства и какую роль играет пространство в выстраивании систем угнетения. Ранние работы Джилл Валентайн, например, начали с исследования страха женщин перед насилием в общественных местах, но быстро переросли в изучение опыта гомосексуальных женщин в повседневных про-

странствах, таких как улицы. Валентайн годами подвергалась притеснениям в профессии из-за своей гомосексуальности, однако ее работы и подобные им проложили дорогу для создания таких областей науки, как география сексуальностей, лесбийская география и квир- и трансгеография. Лора Пулидо и Одри Кобаяси опирались на собственный опыт небелых женщин в области географии, чтобы указать на белокожесть этой науки и заставить феминисток обратить внимание на подразумеваемый цвет кожи, стоящий за темами их исследований и концептуальными основами. Сегодня работы таких ученых, как темнокожая феминистская географиня Кэтрин Маккиттрик и коренная американка – феминистская географиня Сара Хант, продолжают бросать вызов сохраняющимся расистским и колониальным настроениям, которые время от времени появляются в феминистской и критической урбанистике через наши дискурсы, методы и выбор пространств для исследований²⁹.

Для меня занять феминистскую позицию по отношению к городам означает бороться с переплетенными отношениями власти. Задавать «женские вопросы» о городе означает спрашивать о гораздо большем, чем просто о гендере. Я должна задаться вопросом, каким образом мое желание быть

²⁹ *Valentine G.* 'Sticks and Stones May Break My Bones': A Personal Geography of Harassment // *Antipode*. Vol. 30. No. 4. 1998. P. 305–332; *Pulido L.* Reflections on a White Discipline // *The Professional Geographer*. Vol. 54. No. 1. 2002. P. 42–49; *Demonic Grounds: Black Women and the Cartographies of Struggle*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006.

в безопасности может привести к увеличению присутствия полицейских в небелых сообществах. Я должна задаться вопросом, как моя потребность легко перемещаться по городу с детской коляской работает в солидарности с потребностями людей с ограниченными возможностями здоровья и пожилых людей. Я должна задаться вопросом, как мое желание «заявить права» женщин на общественные пространства может поддерживать колониальные практики и дискурсы, которые сводят на нет те усилия, которые коренные американцы и американки прикладывают, чтобы вернуть однажды отнятые у них и колонизированные земли. Для того чтобы задавать эти вопросы, нужен интерсекциональный подход и определенный уровень саморефлексии относительно своего собственного положения.

Начинать с моего собственного тела и опыта означает начинать с достаточно привилегированной позиции. Будучи белой цисгендерной женщиной без ограничений возможностей здоровья, я знаю, что в большинстве случаев мое тело подходит для перемещения по современному постиндустриальному городу, ориентированному на развлечения и потребление. Я говорю по-английски в стране, где этот язык является основным. У меня есть официальное гражданство в двух государствах. Законность моего статуса поселенки на землях коренных народов редко подвергается сомнению. Я не христианка, но тот факт, что я еврейка, ничем не примечателен в Канаде и невидим большинству людей, хотя воз-

вращение антисемитской риторики и агрессии заставляет меня испытывать встревоженность, когда я пишу эти строки. В целом, для человека, чей основной доход обеспечивается освещением вопросов джентрификации, я отлично осведомлена, что мое тело воспринимается как маркер успешной ревитализации и означает, что то или иное пространство является престижным, безопасным, желаемым и принадлежит среднему классу.

Мое тело может также поставить под угрозу притеснения и маргинализации небелых граждан, трансгендерных персон, людей с ограниченными возможностями здоровья, представителей коренного населения и всех других, кого не приветствуют пространства с преобладанием нормативных белых тел. Мое присутствие может предполагать, что никто не застрахован от мелочной жалобы менеджеру или звонка в полицию, который может стоить кому-то жизни. Мой комфорт с большой долей вероятности будет иметь большее значение для окружающих и города в целом. Несмотря на то что я не могу изменить большинство черт, которые выделяют меня таким образом, я могу отдавать себе отчет в том, что мое тело означает и держать под контролем свое желание отстаивать свою реализуемую и справедливую возможность занять всё городское пространство. Если мое присутствие приведет к дальнейшей маргинализации групп, уже находящихся в трудном положении, мне нужно серьезно подумать, необходимо ли мое присутствие вообще.

Эти привилегии, воплощенные в моем теле, не противоречат гендерно-специфичным страхам и ограничениям в моей жизни. Скорее, привилегии, которыми я обладаю, пересекаются с моим опытом как женщины и дополняют его. В этой книге я стараюсь быть прозрачной относительно того, что предлагает мне моя частичная перспектива и что она скрывает. Работая со стремлением понять, что всё знание является географически обусловленным – то есть всё знание происходит *откуда-то*, – я должна отдавать себе отчет в том, что даже там, где я являюсь (или являлась) «своей», например в моем родном городе Торонто, моя перспектива не является единственно верной³⁰. Во многих других городах, о которых я пишу, я – чужая, что означает, что мне нужно быть особенно осторожной, чтобы не воспроизводить небрежные стереотипы или проблематичные изображения городских сообществ, к которым я не принадлежу. Я также должна прямо заявить, что мой опыт городской жизни и знание географии происходят из городов глобального Севера и западных исследований. Несмотря на то что я смогла найти релевантные примеры и тематические исследования из большего количества мест, я не могу отдать должное «женским вопросам», происходящим из городов глобального Юга и азиатских городов. Этот разрыв остается проблемой в феминистской урбанистике и одним из главных вызовов для ученых XXI ве-

³⁰ Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies*. Vol. 14. No. 3. 1988. P. 575–599.

ка³¹.

Если вы прочитали информацию обо мне в конце этой книги, вы наверняка заметили, возможно с некоторым недоумением, что я работаю в небольшом университете на территории народа микмаки в области, в данный момент известной как Восточная Канада. Несмотря на то что у нас есть инди-кафе, хипстерские бары и даже безглютеновая пекарня, Саквилл, Нью-Брансуик, остается сельским городком с населением около пяти тысяч человек. Он расположен приблизительно в сорока километрах от ближайшего крупного города, Монктона, чье население легко бы поместилось во всего одном районе Лондона. Это место не назовешь центром городской жизни. Голуби, разбившие лагерь на крыше моего офиса, – самый урбанистический элемент моей повседневной жизни. Они царапают лапками по наклонной крыше, воркуют и дерутся. Университет пытается от них избавиться, но, как вы, возможно, уже догадались, я надеюсь, что голубям удастся перехитрить своих преследователей.

Я живу здесь уже десять лет. Когда мне предложили контракт на девять месяцев, я чуть от него не отказалась, когда поняла, насколько крошечным местечком является Саквилл. «Я не могу там жить, – думала я. – Завтра же нужно будет отказаться». Вот насколько моя личность была привязана к городу. Однако после бессонной ночи я поняла, что как бы я

³¹ *Peake L., Rieker M., eds. Rethinking Feminist Interventions in the Urban. London: Routledge, 2013.*

ни любила Торонто, нельзя было отказываться от работы на полную ставку. Один контракт перерос еще в три, затем – в заявку на постоянный контракт и, наконец, постоянный контракт. Десять лет. Достаточно долго, чтобы уже не рассматривать это как временный переезд из Торонто. Но я остаюсь урбанисткой и поклонницей больших городов.

С чего начать? Начните с материала. Начните с тела. Адриенна Рич перечисляет особенности своего тела – шрамы, беременности, артрит, белую кожу, отсутствие пережитых изнасилований, аборт – в качестве напоминания, что ее тело удерживает ее в рамках ее собственной перспективы, о которой оно позволяет ей писать и говорить. О чем мое тело позволяет мне писать и говорить? Я могла бы начать со своего беременного тела в поезде на севере Лондона: мне жарко, я обливаюсь потом, к горлу подступает тошнота. Я могла бы начать с боли в плечах, уставших из-за необходимости пропихивать коляску по обледеневшим улицам Торонто. Я могла бы начать со своих ступней, с благодарностью выскальзывающихся из туфель и погружающихся в прохладную траву Хай-парка, где я лежу и разглядываю людей. Этот пункт пересечения тел и городов лежит в сердце «задавания женских вопросов» и размышлений о «феминистском городе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.